

Мария Колтовая



**НОЧНОЙ  
ПОСЕТИТЕЛЬ**

# Мария Колтовая

## Ночной посетитель

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=73164598](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73164598)*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Готовы ли вы встретиться со своими соседями?

Не только теми, что живут за стеной. А теми, что прячутся в лесной чаще, шепчутся в углах старой избы и отражаются в тёмном окне поезда, идущего в никуда.

Этот сборник – путеводитель по самым тёмным уголкам нашей реальности. Деревенский фольклор, оживающий в ночи. Городские легенды, которые оказываются правдой. И кошмары из иных измерений, прорвавшиеся сквозь тонкую плёнку нашего мира. Здесь сосуществуют миры. Древняя нечисть, которую боятся даже в XXI веке. Тени прошлого, не желающие покидать дома. И существа, чья сама природа бросает вызов реальности.

Истории о том, что обитает рядом. Что приходит извне. И что пробуждается внутри нас, когда стихает шум цивилизации и наступает настоящая, беспросветная тьма.

Проверьте, плотно ли закрыта дверь. И начните читать.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Шутник                            | 4  |
| Дом в высокой траве               | 13 |
| Ночной посетитель                 | 25 |
| Хранители                         | 32 |
| Незванный гость                   | 39 |
| Белый                             | 47 |
| Дом, в котором живёт зло          | 53 |
| Дедушка                           | 68 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 70 |

# Мария Колтовая

## Ночной посетитель

### Шутник

Эту быть или небыль любил рассказывать мой дед по отцовской линии – Андрей Фомич Рукавишников. Жили они тогда, в конце тридцатых годов XX века, в деревушке Морозкино Устье, Архангельской области. Обычная маленькая деревенька приютившаяся на опушке леса. Избы, почерневшие от времени и дождей, теснились вдоль единственной улицы, утопавшей зимой в снегу, а осенью – в непролазной грязи.

Дед мой, Андрейка, был парнишкой крепким, с уже вступающей мужской статью, хотя в ту пору ему едва стукнуло пятнадцать. Жили Рукавишниковы небогато: отец, мать, Андрейка, да младший братишка Лёнька. И была у них кормилица и главная тягловая сила – гнедая кобылка Ириска, с белой звёздочкой во лбу и умными, добрыми глазами.

Беда, как водится, пришла внезапно. В один из тех погожих дней, когда северное солнце, пробиваясь сквозь облака, золотило крыши и заставляло пыль кружиться в воздухе. Ириска мирно щипала траву у покосившегося плетня, а Андрейка сидел на выщербленных ступенях крыльца и вырезал из дерева игрушку для брата – миниатюрную мельни-

цу с движущимися крыльями. Стружка, пахнувшая смолой, завитками ложилась на землю.

— Андрей! — донёсся из сени голос матери. — Иди-ка сюда, подсоби!

Андрейка, нехотя оторвался от почти готовой игрушки, положил нож и мельницу на ступеньку и шагнул в прохладную полутьму избы. Помощь оказалась пустяковой — пере-ставить тяжёлый квасник. И минуты не прошло. Вернувшись на крыльцо, Андрейка первым делом потянулся к игрушке, но рука замерла в воздухе. Двор был пуст. Там, где только что мирно пощипывала траву Ириска — лишь примятый мятлик да нечёткие следы копыт, ведущие к калитке.

Сердце гулко стукнуло о ребра. Тревога, холодная и липкая, охватила Андрейку. Он вылетел за ворота, озирая немую улицу. Ни души. Ни звука, кроме назойливого жужжания мух у коновязи.

— Ирискааа! — закричал Андрейка ломающимся баском. Его крик прозвучал неестественно громко в дремотной вечерней тишине.

Ответом ему был раскатившийся по улице лай деревенских собак. Так начался безумный поиск. Андрейка обежал всю деревню, заглядывая в каждый сарай, под каждый навес, окликая соседей. Мужики качали головами, бабы крестились, а малые ребяташки с любопытством бежали за ним. Вскоре к поискам подключились несколько парней постарше. Они прочесали окрестные луга, обежали опушку леса,

заглянули в овраги.

Когда уже совсем стемнело, а ноги гудели от усталости, Андрейка побрёл домой. В избе горела тусклая керосиновая лампа, отбрасывая тревожные тени. Встретив взгляд матери – немой, но полный укора, – он лишь бессильно махнул рукой.

– Не нашёл. Нигде нету... – прошептал он хрипло.

Лицо матери потемнело. Отец Андрейки уехал в город за солью и гвоздями и должен был вернуться через три дня. Андрейка знал: если Ириска не найдется к отцовскому приезду, розги или кожаный ремень будут самым малым наказанием. Ведь хозяйство без лошади – калека.

На следующее утро поиски возобновились с удвоенной силой, но к полудню надежда стала таять, как апрельский снег. Отряд усталых взмыленных мальчишек сидел на берегу извилистой речушки, жадно глотая краюхи ржаного хлеба. И тут Сенька, сын дядьки Пантелея, известного в деревне знатока старинных обычаев, негромко сказал:

– Андрюха, а может... леший? – он немного помялся, видя недоверчивые взгляды приятелей и затараторил. – Отец сказывал... в Заозерье у мужика корова пропала. Он её искал-искал, ну нигде нету. Совсем отчаялся и пошёл он тогда в лес, снял там всю свою одежду, вывернул наизнанку, надел обратно... и пошел, куда глаза глядят. Говорит, встретил, мол, самого хозяина леса. Попросил вернуть скотину. Тот вернул. Может брехня, конечно, не знаю. Но батя так

сказывал.

Андрейка насмешливо фыркнул:

– Ты что, Сенька, умом повредился, какой ещё леший? Мы же комсомольцы! – голос звучал как будто бы бодро, но где-то глубоко внутри, в тех уголках души, куда не проникал свет советских лозунгов, шевельнулся холодный червячок суеверия.

Время текло неумолимо. До возвращения отца – меньше суток. Отчаяние, острое и горькое, как полынь, подступило к горлу.

– Ладно! – хрипло сказал Андрейка. – Хуже-то не будет. Попробую.

Руки почему-то дрожали, когда он стаскивал грубую домотканую рубаху, выворачивал её швами наружу, с трудом натягивая обратно на липкую от пота спину. То же он проделал с поношенными штанами. Даже лапти снял и поменял местами – левый на правую ногу, правый – на левую. Чувствовал себя глупо, но страх перед отцом был сильнее. Тяжело вздохнув Андрейка прошептал:

– Лесной хозяин, покажись мне не серым волком, не чёрным вороном, не елью, но человеком.

Лес встретил его настороженным лёгким гулом. Воздух, густой от запаха хвои и прелой листвы, казалось, давил на грудь. Свет пробивался сквозь кроны косыми лучами, рисуя на земле причудливые узоры. Андрейка шёл, спотыкаясь о корни. Каждый шорох – зверь ли, птица ли – застав-

лял вздрагивать. Прошел час, другой, третий. Ноги гудели, в голове стучало: «Дурак! Идиот! Поверил в бабкины сказки!» Он прислонился к шершавому стволу огромной сосны и закрыл глаза, про себя ругая Сеньку последними словами. Пора было возвращаться.

Сделав шаг, он замер. За спиной, совсем близко, раздался мягкий, влажный шорох – будто кто-то тяжело ступал по мху. Сердце ёкнуло: «Ириска!» Андрейка обернулся.

Среди деревьев неторопливо шагал человек, лениво поддевая носком сапога еловую шишку. Он был высок, невероятно широк в плечах и одет в нечто тёмное, лохматое, сливавшееся с тенями. Андрейка сощурился, пытаясь разглядеть лицо человека – но черты будто дрожали, расплывались, как в дымке марева в жаркую погоду. Незнакомец был словно смазан, не в фокусе, хотя каждую веточку, каждую травинку вокруг Андрейка видел с пугающей чёткостью. Андрейка протёр глаза, подумав, что это всё от усталости. Ничего не изменилось – зрительная аберрация не исчезла, силуэт человека оставался нечётким.

Тем временем незнакомец поравнялся с ним и резкий, густой букет запахов ударил Андрейке в нос: горячая смола, перегной, горькие травы и что-то ещё, дикое, звериное. И вдруг свет стал меркнуть. Не то чтобы стемнело, нет, скорее сгустились тени, поглощая солнечные лучи. Все звуки смолкли, всё движение замерло. Даже комары перестали звенеть. Целый лес затаил дыхание и в одно мгновение стал без-

молвным как могила. И в этой мертвой, гнетущей тишине раздался хохот. Низкий, раскатистый, переходящий в удушливое клокотание и леденящее уханье, будто смеялось всё безумие мира сразу. Хохот словно вибрировал в самом воздухе, в ушах, под кожей, в костях, в зубах.

Голова стала тяжёлой, перед глазами поплыли красные пятна. Андрейка подумал, что сейчас потеряет сознание, но вдруг всё прошло, рассудок вернулся. Незнакомец прошёл мимо и теперь удалялся вглубь леса.

Андрейка слыл лихим, безрассудным парнем, но в тот момент ему стало действительно страшно, возможно впервые в жизни. Огромным усилием воли он подавил в себе желание бежать. Бежать без оглядки. «Не побегу!» – прошипел он сквозь стиснутые зубы. Он ведь не трус, пришёл сюда по делу и так просто не уйдёт. Сейчас или никогда. Вспомнились шепотки стариков: «Лешак раз покажется, другого – не жди. Смелости требует...» Кровь стучала в висках. Он собрал всю волю в кулак и крикнул, и голос его, хриплый от страха, всё же громко прозвучал в звенящей тишине:

– Эй, ты не видал тут лошадь? Гнедую, со звездой!

Незнакомец остановился. Медленно, со скрипом, словно шея его была из дерева, он повернул голову. Андрейка судорожно вздохнул – глаза лесной нечисти были пустыми и белыми. Два мутно-белых, абсолютно пустых пятна, ни зрачков, ни век – лишь мертвенная белизна в глазницах.

– Видал... – голос как скрип несмазанных колес, как ча-

хоточный хрип, низкий, рваный, без интонации. – Направо ступай, там твоя лошадь. У большой сосны, на межине.

Сказав это, незнакомец зашагал прочь, насвистывая какую-то бесхитростную нескладную мелодию. Андрейка стоял, боясь шевельнуться, пока свист и шелест не растворились среди деревьев. В этот момент лес сбросил с себя мрачную тишину, наполнившись привычными звуками: защекотали птицы, зашумела листва, зажужжали насекомые. Солнце снова пробилось сквозь кроны.

Сердце всё ещё колотилось, как пойманная птица. Не веря в удачу, но и не смея послушаться, Андрейка побрел направо, продираясь сквозь бурелом. Через сотню шагов он вышел на небольшую межину. Под исполинской сосной он увидел лошадь. Увидел и ужаснулся.

Ириска была тенью себя прежней. Она выглядела так, словно не ела много-много дней, скелет обтянутый кожей. Ребра выпирали, как обручи на бочке, кожа туго натянулась, обнажая каждый позвонок, каждый сустав. Трава на лужайке была выгрызена вся, до земли. Андрейка медленно подошёл.

– Ириска... – прошептал он срывающимся голосом.

Лошадь повернула к нему голову. Глаза, ещё вчера живые и умные, сейчас глубоко запали полные немого страдания. Андрейка осторожно подошёл к лошади, коснулся её, сначала кончиками пальцев, затем, уже увереннее ласково погладил по морде. На длинной реснице Ириски сидела муха. Андрейка дунул, и муха улетела. Ириска слабо ткнулась ему

в плечо, издав тихий стон. Андрейка достал из-под рубахи уздечку, накинул на исхудавшую голову и тихонько потянул. Кобылка шатаясь смиренно поплелась за хозяином.

Дорога домой показалась вечностью. Ириска спотыкалась почти на каждом шагу, дыхание её было хриплым и прерывистым. Деревню новость облетела мгновенно. Бабы крестились, старики качали головами: «Леший водил... не иначе». Андрейка не стал вдаваться в подробности – сказал только, что нашёл кобылу в лесу.

Отец вернулся как раз на следующий день. Увидев едва живую Ириску, он побледнел, сжал кулаки... но лишь тяжело вздохнул. Гнев сменился тревогой.

– Выхаживай, сынок. Выходи, коли сможешь.

И Андрейка выхаживал. Он практически поселился в хлеву. День и ночь рядом с больной: поил тёплой болтушкой, малыми порциями давал самое мягкое сено, расчёсывал гриву, растирал, разговаривал с ней тихо, ласково, как с ребёнком. Ириска медленно, очень медленно, но возвращалась к жизни. То ли безмерная забота Андрейки сотворила чудо, то ли лесной хозяин не захотел забирать животину, но Ириска выжила. И не просто выжила, а окрепла, набралась сил, и ещё долгих шестнадцать лет верно служила Рукавишниковым.

А Андрейка, каждый раз, когда ему случалось проходить мимо той самой старой сосны на межине, невольно прибавлял шаг и украдкой крестился, вспоминая белые, пустые гла-

за и тот леденящий смех в застывшем лесу...

# Дом в высокой траве

То, что я сейчас расскажу, может показаться вам фантастикой или бредом, но только не мне...

Меня зовут Денис Чеботарёв. Сейчас я совладелец небольшой, но успешной сети магазинчиков электротоваров, а три года назад, когда всё и случилось, я работал телохранителем в одной крупной строительной фирме. Туда меня нанял директор компании, чтобы я в течение дня охранял его старшего отпрыска, Германа.

Герман тоже числился в фирме – начальником по технике безопасности. Этот раздутый от чванства папенькин сынок умудрился повздорить в каком-то кабаке с местной шпаной, и те пообещали переломать ему все кости. На мой взгляд, обычные пьяные угрозы, пустые, как стакан после тоста, но Герман струхнул не по-детски, и папаня нанял ему телохранителя – меня.

Моя миссия заключалась в том, чтобы утром привезти принца на работу, затем в течение дня либо просиживать штаны на кожаном диване у его кабинета, пока он в офисе, либо тенью следовать за ним по пятам на строительных объектах. Ну а вечером – отвезти обратно в роскошный лофт в пригороде. Скука смертная. Единственная отдушина, ну, кроме солидной зарплаты, конечно, это женщины. На мою удачу, дамочки в компании были подобраны с особым тща-

нием – одна краше другой, будто сошли с обложек глянцевого журналов. У папани-директора определённо был безупречный вкус.

Я это дело люблю – ни одну симпатичную юбку без внимания не оставляю. Ну и завёл я там «тёплые, производственные отношения» с озорной девчулей из отдела кадров. Мы с ней «дружили» жарко и безрассудно: и в пыльной подсобке, и в душном архиве, и даже в мужском туалете, где кафель отсвечивал мне безжизненным блеском. Всё шло просто отлично, пока я не совершил роковую глупость – не пригласил Танюху к себе домой.

Дело в том, что я женат. Жена с сыном на тот момент уехали отдыхать в Крым, и наша квартира оказалась полностью в моём распоряжении. Я, конечно, на славу провёл время с кадровичкой, но прав был тот пацан из «Денискиных рассказов» – всё тайное становится явным. Не знаю, каким образом, но жена всё узнала и выгнала меня из дома.

Приютил меня армейский дружок. Он как раз сдавал однокомнатную квартирку в самом центре города, и его постояльцы только что съехали. Друг вручил мне ключи, звякнувшие холостяцкой тоской, заявив, что я могу там перекаптоваться, пока не помирюсь с женой. Единственное условие – исправно оплачивать коммунальные услуги.

Я хорошо запомнил день, когда всё началось.

Воскресенье, у меня выходной. За окном низкое, свинцовое небо с раннего утра непрерывно поливало город холод-

ным, назойливым дождём. Я сидел на кухне на шатком стуле и лакал быстрорастворимый кофе из огромной кружки с надписью «Лучший папа в галактике». Сын на прошлый день рождения подарил. Мой армейский приятель предложил заняться совместным бизнесом – открыть небольшой магазинчик электротоваров. Показал бизнес-план, вроде бы всё складно. Всегда ведь хотел работать на себя, а не прогибаться под чужого дядю.

И вот, сижу я, полощу свой измученный желудочно-кишечный тракт коричневой бурдой и думаю, что же мне делать. Как быть с женой? Стоит ли ввязываться в авантюру с магазином? Когда мне предстоит принять сложное решение, то я всегда прибегаю к практике, которой когда-то в армии меня обучил наш старшина. Начитанный был мужик, сильно интересовался психологией и всякой эзотерикой.

Суть проста: надо удобно сесть, закрыть глаза, отключиться от всего и задать подсознанию чёткий вопрос, на который хочешь получить ответ. А затем – просто наблюдать за картинками, всплывающими на мысленном «экране». Это может быть что угодно: обрывки воспоминаний, какие-то предметы, кадры из фильмов, просто цветные пятна .

Старшина утверждал, что это не случайные образы, а ценная информация, которую наше глубинное «я» выдаёт в качестве подсказок. Естественно, эту информацию надо уметь расшифровать и правильно интерпретировать, как древние руны. Время от времени я прибегал к этой психотехнике, и

она меня ещё ни разу не подводила.

Я откинулся на скрипучую спинку стула, закрыл глаза, и в гулкой пустоте кухни громко и отчётливо спросил: «Стоит ли соглашаться на предложение друга?»

Сначала, как обычно, в голове плавала лишь тёмная рябь, мельтешили размытые, бесформенные пятна. Но вот, картинки стали чётче. Я увидел мощное, гибкое тело бегущего животного – то ли леопарда, то ли гепарда, мышцы под кожей играли упругими волнами. Увидел вспотевшего мужчину, несущегося вперёд, вроде бы из какой-то старой рекламы кроссовок. Ещё – толпу бегущих людей с номерами на спинах, спортсменов, их лица упрямые, сосредоточенные.

Я открыл глаза. На всех картинках, показанных подсознанием, все куда-то неслись, рвались вперёд. Именно бежали к чему-то, а не убегали от. Спортсмены – к заветному финишу, мужик в новых кроссовках, наверное, к здоровью, зверь – к добыче. Все двигались к цели. Ну что же, ответ очевиден – нужно рискнуть, рвануть за своим шансом. Так хочет моё глубинное "я".

Я снова откинулся на спинку стула и сомкнул веки. Теперь мне надо было узнать, что делать с женой – бить челом или рубить концы? Опять поплыла темнота, закружилась рябь, какие-то нежные, жёлтенькие цветочки... И вдруг всё изменилось. Резкий, обжигающий толчок. Что-то чужеродное вклинилось в моё сознание, словно клинок.

Я увидел:

Серый, облезлый, деревянный дом, почерневший от времени и непогод. На окнах – ржавые решётки, за ними оскал выбитых стёкол, торчащих острыми, неровными зубами. Шифер на крыше порос островками ядовито-зелёного мха. Покосившаяся дверь, будто вывернутая взрывом, распахнута настежь, и внутри – густая, почти осязаемая, беспроглядная тьма. К стене приколочена кривая белая фанерка, на ней выцветшей, отслаивающейся краской криво написано: «продаётся». Вокруг дома покачивалось море высокой, по пояс, травы.

Картинка была статичной, застывшей, как кадр из кошмара, но при этом невероятно реальной. Слишком реальной.

Моя голова взорвалась изнутри дикой, рвущей на части болью. Мир провалился в небытие – на какое-то мгновение я ослеп и оглох. Глаза затопила абсолютная темнота, в ушах завывала абсолютная тишина.

Очухался я на холодном линолеуме кухни, в липкой, тёплой луже. Лужа оказалась кровью, хлынувшей из носа. Слух и зрение вернулись, но видел я всё будто сквозь красную пелену, слышал собственное хриплое дыхание. Кое-как, попластунски, дополз до ванны, судорожно умылся холодной водой. Сердце тяжело бухало в груди.

Я не мог понять, что случилось. Припадок? Инсульт? Но я всегда был здоров, как бык. Что это за проклятый дом? Я раньше его никогда не видел. Зверская головная боль по-

немногу отступала, сменяясь свинцовой сонливостью. Я доплёлся до комнаты и рухнул на просевший диван. Вырубился моментально, как только коснулся щекой гобеленовой подушки. Проспал почти сутки, мёртвым, беспробудным сном без сновидений.

Сказать, что случившееся совсем меня не напугало, значит покривить душой. Напугало, да ещё как. Но не до паники. Я списал всё на стресс, и усталость – мозг штука сложная и до сих пор толком не изученная.

Следующие три дня всё было тихо и буднично, я жил своей обычной жизнью, стараясь не думать о том кошмаре. А на четвёртую ночь я проснулся от внезапной вспышки той самой адской головной боли. Наволочка в крови. Во сне я опять видел тот же дом.

Новая неделя прошла относительно спокойно. Я уж было начал убеждать себя, что всё закончилось, кошмар отступил. Но нет...

После работы я заехал в супермаркет. Затарился продуктами на несколько дней вперёд и покатил тележку к кассе. Как назло, из пяти касс работала всего одна. Очередь выстроилась длиннющая, неторопливая. Я встал в её хвост, уставившись в коротко стриженный затылок впереди стоящего мужика. Очередь двигалась медленно, монотонно...

Серый деревянный дом. Слепые глаза окон с ржавыми решётками, в рамах – острые, кривые зубы

выбитых стёкол. Крыша, поросшая мхом. Покосившаяся, распахнутая настежь дверь, за ней – та самая, знакомая уже, беспроглядная, всасывающая тьма. И кривая белая фанерка, будто надгробный памятник, с надписью «продаётся». Вокруг – шелестящее, непролазное море высокой, по пояс, травы.

Я, наверное, задремал на ходу, опершись на ручку тележки, потому что в следующую секунду обнаружил себя лежащим на холодном кафельном полу магазина, обхватив голову руками. Из носа снова хлестала алая струя, растекаясь по плитке причудливыми узорами. Перед глазами плясали багровые пятна, в ушах стоял оглушительный, высокий звон. Вокруг искажённые, размытые лица перепуганных людей.

Позже, сидя в своей машине, я никак не мог унять мелкую, предательскую дрожь. Да что же со мной творится? Эпилепсия? Опухоль мозга? Шиза? Диагнозы, один страшнее другого, копошились в моём измученном мозгу. Понимая, что так больше продолжаться не может, я твёрдо решил, что завтра же с утра, с первыми лучами, побегу в больницу.

Естественно, утром я ни в какую больницу не пошёл. Смалодушничал. Понадеялся, авось, как-нибудь само рассосётся, как насморк.

В понедельник мы с приятелем поехали подбирать помещение для нашего будущего магазина. Промотавшись по городу весь день, пропахший потом и выхлопными газами, и так ничего толком не выбрав, я возвращался домой. Город

встал в удушающей вечерней пробке. Я был уставший до ломоты в костях, голодный, и торчать в этом железном заторе в мои планы не входило. Я решил срезать и добираться до дома дворами, благо город я знал как свои пять пальцев – после армии какое-то время работал таксистом.

Сделав небольшой крюк, проплутав по крохотным, забытым богом улочкам, проскочив промзону, я зарулил в узкий переулок, который должен был вывести прямиком к моему микрорайону. Осторожно объезжая ухабы, боковым зрением я заметил то, что заставило меня со всей дури вдавить педаль тормоза в пол. Машина дёрнулась и встала.

Вклинившись в неровный ряд гаражей-«ракушек», стоял Он – мой мучитель.

Серый, вылинявший до цвета пепла, ослепшие окна с паутиной ржавых решёток, ядовито-зелёный мох на обвисшей крыше, чёрный провал распахнутой двери, тьма внутри, и та самая, въевшаяся в память фанерка с роковой надписью «продаётся». Вокруг, под наплывающими фиолетовыми сумерками, колыхалось шелестящее море высокой травы.

В сгущающихся сумерках он выглядел ещё более зловеющим и нереальным, чем в моих видениях, будто сошёл со страниц хоррора.

Я медленно, как во сне, вылез из машины. Это может показаться странным, но первой моей эмоцией было... облег-

чение. Тревожное, щемящее, но облегчение. Дом существовал наяву! А это значило, что у меня нет ни опухоли, ни шизофрении, ни прочих ужасов. Я был, в каком-то смысле, здоров! Но тут же накатил новый, ещё более жуткий вопрос: почему? Почему в своих видениях я видел именно эту развалюху? Зачем?

Разобраться нужно было здесь и сейчас. Пока не стемнело окончательно.

Я достал из багажника тяжёлый ручной прожектор и направился к дому. Утопая по пояс в траве, я приблизился к зияющему, как чёрная пасть, дверному проёму. Немного постоял на прогнившем пороге, собираясь с духом, чувствуя, как оттуда, из темноты, на меня веет холодом и запахом тлена.

Я шагнул внутрь.

Под ногами скрипели подгнившие доски пола. Жирный луч фонаря, словно скальпель, рассекал мрак, выхватывая из него свисающие со стен клочья обоев, похожие на содранную кожу, колченогие, разломанные стулья, покрытые пушистой плесенью подушки, раздолбанный кинескопный телевизор, слепой и мёртвый, ящики от комода. Повсюду витала тяжёлая, сладковатая сырость, затхлость, густое, удушающее дыхание небытия. Обычный заброшенный дом, в котором «давно никто не живёт и не смотрит в окно».

Я медленно обходил комнату за комнатой, и не видел ничего, что могло бы вызвать те кошмары. Только в самой даль-

ней, угловой, запах гниения показался мне более густым и терпким. На полу в комнате высилась внушительная груда угля, чёрная и блестящая, будто её только что привезли. Я уже хотел развернуться и уйти, когда несколько крупных, тяжёлых кусков угля с сухим шуршанием скатились прямо к моим ногам.

Крысы? Я подошёл ближе, направил луч света прямо на груду. Что это? Из-под чёрных камней торчала человеческая кисть. Бледная, восковая, с почерневшими ногтями. Сердце в груди заколотилось быстрее. Может, не настоящая? Манекен? Кукла? Преодолевая лютый страх и отвращение, я, задержав дыхание, дотронулся кончиками пальцев до холодной, одеревеневшей кожи. И тут же отшатнулся, будто обжёгшись. Никаких сомнений – рука была настоящей. Мёртвой.

Я выскочил из дома, запрыгнул в машину, и дал по газам так, что взвизгнула резина.

Ночь прошла без сна. Я метался по квартире, как зверь в клетке, из комнаты на кухню, из кухни в комнату. Я лихорадочно соображал, что же мне делать. Забыть? Сделать вид, что ничего не видел, и жить дальше? Но это не правильно. В том доме лежит мёртвый человек, и, судя по всему, умер он не в своей постели. Наверняка у него есть родные и друзья, которые его ищут, не спят ночами. И где-то там, на свободе, ходит убийца. Или убийцы.

И ещё, я был в этом абсолютно уверен, галлюцинации

именно этого дома преследовали меня не просто так. Они не пройдут сами по себе, пока я не закрою этот "гештальт". Я должен был сообщить о преступлении. Но как?

Сообщить я решил анонимно. Иначе как мне объяснить полиции, как я нашёл тело? Вряд ли они поверят в историю про мистические видения. Зато решат, что я и есть тот самый убийца, который просто морочит голову. Я дождался утра, съездил в полуподвальный компьютерный клуб на другом конце города, и оттуда, через левый IP, отправил анонимное сообщение в управление уголовного розыска.

Вся следующая неделя прошла в тягостном, липком ожидании. Мне чудилось, что вот-вот, в дверь постучат, и меня обвинят в убийстве этого несчастного. Каждый день я по десять раз просматривал в интернете наши региональные и городские группы, паблики и местные СМИ, выискивая любые криминальные новости.

И мне повезло. Вскоре в местной газете промелькнула маленькая, неприметная заметка: на Красноармейской улице, в заброшенном доме, обнаружено тело мужчины со следами насильственной смерти.

Тот самый дом.

Убитым оказался предприниматель из соседней области, пропавший без вести около месяца назад. Чуть позже сообщили и о задержании подозреваемых – банды из пяти человек. Оказывается, эта группировка орудовала уже восемь лет, специализируясь на нападениях на мелких предприни-

мателей. Грабили и убивали. Был суд. Все они получили длительные сроки заключения.

Видения меня больше не беспокоят. С играми с подсознанием я завязал навсегда, слишком дорого они мне обошлись. Теперь, когда надо что-то решить, я просто подкидываю монетку. С женой, к сожалению, пришлось развестись, она так меня и не простила, и её можно понять. А тот дом в высокой траве до сих пор иногда снится мне. Но уже просто как воспоминание. Как шрам, который ноет к непогоде.

# Ночной посетитель

Сидел я как-то глубокой ночью в «ВКонтакте» и просматривал группы местных барахолок, вдруг кто велосипед продаёт. В квартире стояла такая тишина, что я слышал тиканье часов в соседней комнате. И тут – короткий, но резкий звук уведомления, заставил меня вздрогнуть.

Я ткнул в красный кружок на колокольчике. *"Сообщество "Ночной посетитель" опубликовало новый пост, «Доброй ночи, Дмитрий! Приглашаем принять участие... – прочитал я. Интересно, меня действительно зовут Дмитрий. Какой-то персональный пост? Специально для меня? Я развернул записку целиком:*

«Доброй ночи, Дмитрий! Вас приветствует сообщество «Ночной посетитель». Приглашаем принять участие в игре «Вышибалы». Правила просты, Вы должны проголосовать за того, с кем НЕ хотите встретиться. Игра начнётся через 10 минут».

«Что за бредятина? – пронеслось в голове. – Какие ещё вышибалы?» Группа, от которой пришло сообщение, и правда называлась «Ночной посетитель». Я зашёл на её страницу. Всё очень скудненько: описания нет, аватара нет, лишь одна-единственная закреплённая запись – фотография вход-

ной двери. Железной, рифлёной, матово-чёрной, с массивной ручкой и позолоченной цифрой «23». Странно... Дверь совсем как моя.

Мерзкий холодок пробежал по позвоночнику, и мне стало не по себе. Да ну, чушь какая-то! – попытался я успокоить себя, чувствуя, как учащенно забилося сердце. – Подобных дверей в городе – десять вагонов и десять маленьких тележек. В моём подъезде половина таких же чёрных и железных, а номер... просто совпадение.

Ровно через 10 минут пришло новое уведомление, и, хотя я ждал его, короткий звук опять заставил меня вздрогнуть. Запись гласила, что игра началась. Мне был предложен список, из которого надо было выбрать кого-то одного – того, кого я точно не хочу видеть. Когда я прочёл имена, будто холодная рука сжала моё горло, а волосы на руках и на затылке встали дыбом, как от статического электричества. В списке было всего семь имён.

Первое имя – Залатарёв Артём. Мой коллега, заносчивый и вечно всем недовольный. Он погиб в автокатастрофе восемь месяцев назад, его машину нашли в овраге, смятую в гармошку.

Вторым в списке шёл Громов Юрий Дмитриевич – мой дед, суровый, молчаливый мужчина с большими как лопаты руками. Он умер три года назад от обширного инсульта.

Третий – Миша Евлахов. Моя самая светлая и горькая память. Лучший друг детства, с которым мы всё делили попо-

лам. Он утонул в реке одним жарким летним днём, когда нам было по девять лет.

Четвёртое имя – Балабуха Серафима Аркадьевна. Моя учительница биологии, строгая, но безумно влюблённая в свой предмет женщина. Погибла при пожаре у себя на даче восемь лет назад, не успев выбраться из огня.

Пятый – Гектор. Мой четырнадцатилетний пёс, хотя не просто пёс – член семьи. Умер три месяца назад от старости, уснув на своей подстилке навсегда.

Под номером шесть – Сергей Агеев. Сосед, запойный алкоголик, от которого вечно пахло перегаром и безысходностью. Был найден мёртвым у себя в квартире год назад.

Семь – Лена Грицова. Жена моего приятеля, солнечная и невероятно добрая женщина, угасшая от рака за полгода.

Я весь покрылся липким, холодным потом. Руки дрожали. Как такое возможно!? Как?! Я сначала подумал, что это чья-то больная, жестокая шутка, но откуда эти «шутники» могли знать о Гекторе? О Мишке? Обо всех этих уже ушедших моментах моей жизни? Откуда?

Страх немного потеснился, уступая место жгучему, почти болезненному любопытству.

Кого из этого скорбного списка я точно не хотел бы видеть? Однозначно Залатарёва. Мы хоть и проработали вместе четыре года, он мне никогда не нравился, его высокомерие раздражало до зубного скрежета. Я ткнул в его имя.

Через пару минут – новое уведомление, голосовалка уже

из шести имён. На этот раз я, не колеблясь, выбрал соседа-алкаша Агеева. Его вечные пьяные дебоши мне изрядно надоели ещё при жизни. Ещё одно уведомление – пять имён. Выбрал учительницу биологии, её допросы с пристрастием у доски об отличительных особенностях кольчатых червей до сих пор снились мне в кошмарах. Осталось четыре имени. Выбрал Лену Грицову. Она мне всегда импонировала, но увидеть её – особенно такую, какой она была в конце... нет, не хотелось.

Ещё одно уведомление – в списке трое. Я выбрал деда. Мы никогда не находили общего языка. Осталось два имени. Гектор или Мишка? Кого из них я не хочу видеть? Или, если подумать иначе, – кого из них я хотел бы увидеть больше всего на свете? Минут десять я сидел, заворожённо глядя на два этих имени на экране. И, наконец, сделал выбор. На часах было ровно три ночи. В дверь позвонили.

От неожиданности я чуть не упал со стула. Вокруг сгустились напряжение, ночь и нарушенная тишина. Звонок повторился – настойчивый, требовательный. У меня свело живот в тугой, болезненный комок. Я подошёл к двери, чувствуя, как подкашиваются ноги, и хрипло, сдавленно спросил:

– Кто там?

– Дима, ты выйдешь гулять? – послышался за дверью звонкий мальчишеский голос.

Хотя прошло уже больше двадцати лет, но память странная штука. Я мгновенно узнал голос моего утонувшего друга

детства. Я прильнул к глазку. Лестничная площадка тонула в густой, чернильной темноте.

– Дима, выходи. Посмотри, какой мяч мне купили! Пойдём погоняем.

И я открыл дверь. Наверное, нормальный человек так бы не поступил, но в этой ситуации не было ничего нормально-го. Мёртвые друзья детства обычно не приходят в гости в три часа ночи. Из-за двери меня обдало холодом, как если бы я в жару открыл холодильник. На лестничной площадке сработал датчик, и яркий жёлтый свет болезненно ударил в глаза.

На пороге стоял Мишка. Таким, каким я видел его в самый последний раз – девятилетним тощим чертёнком в полосатых шортах и футболке с Микки Маусом. В руках он сжимал новенький футбольный мяч. Мишка совсем не выглядел как утопленник, то есть не был раздувшимся, ил и водоросли не покрывали его тело, кожа не свисала клочьями, и даже вода с него не капала. Обычный пацан, только немного бледный.

– Привет, Димон! – сказал мой мёртвый друг детства и расплылся в озорной, щербатой улыбке. – Смотри, какой у меня мяч! Пойдём на пустырь, поиграем.

Я стоял, вжавшись в косяк, пытаюсь осознать – сон это или явь? Ущипнул себя за запястье до боли – не сон, а если и сон, то невероятно реалистичный. Я попытался рассмотреть ночного гостя получше, моргнул – и он исчез. Передо мной была лишь пустая, залитая жёлтым светом лестничная площадка.

Я накинул куртку и вышел на улицу. Ночь была тихой и ясной. Холодный воздух уже пощипывал ноябрьским морозцем. Обогнув дом, я в свете полной луны увидел на пустыре одинокую маленькую фигурку. Мишка ждал меня с мячом в руках.

Это была самая странная игра в футбол за всю мою жизнь. Сначала я двигался робко, скованно, чувствуя себя нелепо, но потом азарт взял своё. Мы носились по колючей, подмёрзшей траве, пасовали, смеялись взахлёб, и я забыл обо всём – о времени, о возрасте, о том, что это невозможно.

Наигравшись до изнеможения, мы пошли на детскую площадку, вернее, пошёл я, а Мишка, как и тогда на лестнице, просто растворился в воздухе, и я нашёл его уже сидящим на качелях. Я сел рядом, на другие качели. Обхватив цепи бледными пальцами, Мишка слегка перебирал ногами по утоптанной земле, покачиваясь. Качели мерно поскрипывали.

– Мне жаль, что я умер, – вдруг сказал Мишка, глядя куда-то в пустоту перед собой. – Ты был моим лучшим другом. И ТАМ я очень скучаю по тебе.

Я посмотрел на его круглое, бледное и такое родное лицо, на веснушки, которые я уже почти забыл. В горле встал тяжёлый ком, слёзы защипали глаза. Не зря говорят, что детская дружба самая крепкая.

– Я тоже по тебе скучаю, братан, – выдохнул я. – Нам было хорошо вместе.

Я хотел коснуться его, протянул руку, но пальцы схватили

лишь пустоту. Качели слегка раскачивались. Мишка исчез. А я ещё немного посидел во дворе, глядя на звёзды, потом медленно пошёл домой.

Утром все посты об игре «Вышибалы» бесследно исчезли. Страницу сообщества «Ночной посетитель» в «ВКонтакте» я больше не нашёл. Как будто ничего и не было. Кроме памяти. И тихого, горьковатого чувства прощания, которое наконец-то состоялось.

# Хранители

Деревня Коровкино. Для меня, городского пацана, каждое лето превращалось здесь в бесконечное приключение. Бабушка научила меня читать лес как книгу – по шраму на берёзе, по узору мха на валуне, по крику птицы. Но главное, что я вынес из тех лет – это благоговейный трепет перед... кошкой. Да, да перед обычными Муськами, Мурзиками, Барсиками, Лапсиками. Увидев на помойке замурзанного котейку, я просто не могу пройти мимо – обязательно зайду в ближайшую «Пятёрочку» и куплю кошачьего корма. А всё потому, что в деревне Коровкино кошка однажды спасла мне жизнь.

Коровкино стоит на опушке древнего леса, по рассказам местных ещё никогда не тронутого ни огнём, ни топором. Грунтовая дорога упирается в деревню тупиком, дальше – только бескрайнее лесное море с коричневато-бурыми островами болот и синими глазами озер. Вокруг самой же деревни, плотным кольцом, как огромное красное колесо, растёт клюква.

Казалось бы, глухомань. Кто добровольно захочет жить в таком запечье? Однако жители очень почитают своё Коровкино, считают его священным местом. Рассказывают, что когда-то здесь было языческое капище древних богов – недобрых, требующих жертвоприношений. Но после крещения

Руси капище разрушили, деревянных идолов сожгли, а на проклятой земле поставили деревню. Проклятой? Ха! Место оказалось благодатным. Солнце здесь светило чуть ярче, дожди приходили в срок, урожаи были сказочными, ни хворь, ни вредитель не касались ни людей, ни домашней скотины, ни угодий. Царство благодати посреди болот.

И кошки. Их было много. В каждом дворе – по три, по четыре, а то и больше. Пушистые, гладкошерстные, полосатые, угольно-чёрные, белые как снег, трёхцветные, рыжие. Они разгуливали по деревне с невозмутимым достоинством особ королевских кровей. Ни один пацан, даже отчаянный сорвиголова, не смел дернуть кота за хвост, ни одна хозяйка не кричала: «Брысь!» – только ласковое: «Кис-кис, попей молочка». К кошкам в Коровкино относились не как к питомцам, а как к божествам.

Мне же, рациональному современному школьнику, этот кошачий культ казался забавным анахронизмом. Как-то в конце лета, устав от моих насмешек, бабушка рассказала местную легенду. Дескать, старые языческие боги, те, что жили здесь задолго до нас, на самом деле никуда не ушли. Они здесь, кружат за лесной гранью и ждут хоть малейшей бреши в нашей защите. Ждут, когда смогут вернуться, а если не могут вернуться – так пытаются известить людей, душу вытянуть, утащить с собой в чащу, в болотную трясину. И кто же их останавливает? Кто стережет порог?

Бабушка кивнула на рыжего Мамаю, безмятежно дремлю-

щего на завалинке.

– Кошки. Они для них – как огонь для нечисти. Боятся старые боги кошачьего взгляда, кошачьего шипения. Потому мы их и чтим. Пока они с нами – мы под защитой.

Я тогда снисходительно улыбнулся. "Бабушкины сказки".

Несмотря на маячившую на горизонте осень, тот памятный день выдался солнечным, тёплым и безветренным. Бабушка с дедушкой уехали зачем-то на дальний луг. Я же, считавший себя в девять лет почти взрослым мужчиной, остался один. Ни страха, ни тревоги я не испытывал. Дом безопасный, родной, тёплый, пахнувший травами и свежеиспечённым хлебом казался неприступной крепостью, в которую не может проникнуть никакое зло, человеческое либо сверхъестественное.

Я шатался без дела по двору, и ноги сами понесли меня в почерневший от времени дедушкин сарай. В царство кусков железа непонятного предназначения, старого хлама, инструментов, ржавых гвоздей, запахов масла, керосина и чего-то вечного, затхлого. Стоял сарайчик чуть в стороне от дома, под сенью разлапистой ели.

Я толкнул покосившуюся, скрипучую дверь. Полумрак. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь щели в стенах, резали пыльную мглу золотыми клинками. Я шагнул внутрь, шурясь. «Страшно? – усмехнулся я про себя. – Да брось!» Но по спине, почему-то, пробежали мурашки. Воздух в сарае был тяжёлым, статичным, словно выдохнутым столетия назад. И

на удивление холодным как в погребке.

Я сделал ещё шаг, и вдруг ноги перестали меня слушаться. Буквально. Как будто корни проросли сквозь подмётки и впились в земляной пол. Мерзкий холодок пробежался по коже, я почувствовал, что не один. Взгляд сам потянулся в самый дальний угол, заваленный теньями от старых железных бочек и дедушкиных «не-выброшу-в-хозяйстве-пригодится». Там была тьма. Не просто отсутствие света – это была сущность. Плотная, вязкая, пульсирующая живым мраком. И она видела меня. Я чувствовал взгляд – тяжелый, липкий, лишенный всякой теплоты, лишь голод и древнюю, нечеловеческую злобу. Волосы у меня на затылке встали дыбом, сердце забилося так, что заболела грудная клетка. Холод сковал мышцы и пополз вверх по позвоночнику, сжимая горло.

Тьма зашевелилась. Медленно, неотвратно, как прилив чёрной смолы. Она расплзалась по полу, по стенам, поглощая лучи света и неумолимо приближаясь. Ко мне потянулись чёрные щупальца теней, тягучие и цепкие. Запах... О, Боже, запах! Сырость болота, гниющие листья, и под ним – сладковатый, тошнотворный душок тлена, как от давно забытой падали. Темнота уже была всего в метре от меня, а я не мог пошевелиться, не мог крикнуть. Мозг орал: «Беги!», но тело застыло каменным изваянием страха. И тогда я понял с ледяной ясностью: "Это конец. Оно заберет меня в болота. В темноту. Навсегда". Я зажмурился, ожидая смертельного прикосновения.

И услышал... шипение. Низкое, яростное, полное первобытной ненависти. Я осторожно открыл глаза. Между мной и наступающей чернотой стоял рыжий Мамай. Обычно ленивый флегматик, теперь он казался огромным, рыжая шерсть стояла дыбом вдоль всего хребта, делая его похожим на разъяренного дикобраза. Хвост трубой, уши прижаты, лапы широко расставлены, когти вонзились в земляной пол. А глаза... Золотисто-зелёные глаза горели не кошачьим, а прямо-таки демоническим огнём, фосфоресцирующим в полумраке. Он не просто шипел – он изрыгал ненависть на эту тварь, каждый звук – выстрел, каждый оскаленный клык – угроза.

И случилось невероятное. Тьма дрогнула. Она не отступила – она сжалась, как амёба, тронутая иглой. Пульсация её замедлилась, края стали нечёткими. Мамай сделал шаг вперёд, издав ещё более грозное шипение. Тьма сжалась сильнее, её щупальца втянулись обратно в глубину угла. Она таяла на глазах, теряя форму, плотность, намерение. Ещё несколько мгновений – и в углу осталась лишь обычная, ничем не примечательная тень от груды хлама. Запах тлена рассеялся, сменившись привычным сарайным духом.

Мамай мгновенно успокоился. Шерсть пригладилась, хвост опустился. Он повернулся ко мне и лениво потянулся, в его золотисто-зелёных глазах не было и следа недавней ярости – только привычное, немного снисходительное кошачье спокойствие. Он подошёл ко мне, мурлыкая басовитым,

утробным звуком, и потёрся головой о мои подкашивающиеся ноги. Как будто ничего и не произошло. Только дрожь в руках и сосущее послевкусие страха в животе говорили об обратном.

Когда вернулись бабушка с дедушкой, я, запинаясь, рассказал, что случилось. Дедушка по-стариковски покряхтел, достал кисет и свернул сигарку. Бабушка лишь покачала седеющей головой.

– Темнота, Дима, – сказала она тихо, ставя на пол миску со сметаной для Мамаё, который уже мурлыкал у её ног. – Она всегда пытается, ищет слабинку. А боится она только одного – кошек. Пока они с нами – опасаться нечего. Потому мы с дедом и оставили тебя одного дома, знаем, что не дадут в обиду, защитят.

И она ласково потрепала Мамаё по рыжей ушастой голове.

Прошли годы. Долгие годы. Бабушки и дедушки уже нет. Их дом в Коровкино теперь дом моих родителей, они переехали в деревню, как только вышли на пенсию. И знаете что? Кошек в деревне по-прежнему полно. Пушистые, гладкошерстные, полосатые, угольно-чёрные, белые как снег, трёхцветные, рыжие – все они разгуливают с тем же невозмутимым царским достоинством, как и при старых хозяевах. Деревня всё так же процветает на краю леса, клюква всё так же алеет каждый год.

Я давно вырос. Живу в городе. Но каждый раз, когда я

вижу бездомного кота, дрожащего под дождем, я не просто пытаюсь ему помочь. Я обязан это сделать. Потому что знаю, видел своими глазами, как тонка грань между нашим миром и той липкой, холодной тьмой, что жаждет прорваться. И знаю, кто настоящие хранители этой границы. Кто смотрит в бездну и шипит ей в лицо, заставляя отступить. Они могут быть старыми, тощими, ободранными, с одним ухом, но в их глазах горит тот самый огонь, что однажды спас меня в дедушкином сарае.

Я плачу за их молоко и колбасу не просто так. Это моя дань. Моя благодарность. Моя страховка. На случай, если темнота снова постучится. Или поползет из угла. Пока где-то в мире кошка мурлычет на солнышке, трёт лапкой мордочку, у человечества есть шанс. Слабый, хрупкий, пушистый шанс. Но он есть.

# Незванный гость

Уже много лет прошло с той проклятой ночи, но ледяная хватка воспоминаний не ослабевает. Каждый год, когда зима вступает в свои права, и ночи становятся длинными, я просыпаюсь посреди тьмы. Сердце бьётся, как пойманная птица, футболка сырая от холодного пота, а в ушах – козлиное блеяние и тот самый ехидный смешок. Во сне он всегда здесь. Всегда рядом. Эта сущность смотрит на меня бездонными карими глазами, а уголки его губ растягиваются в гаденькой улыбке. Но начну по порядку.

Наш поселок тогда был тихой, заснеженной провинцией, в которой установка новой скамейки на набережной с помпой освещалась в местной газете. Развлечений – кот наплакал: унылый кинотеатр в котором раз в месяц крутили какой-нибудь несвежий блокбастер да клуб, где по выходным тускло мигали дискотечные шары. Не разгуляешься. И, наверное, поэтому, самое любимое время у молодёжи было с седьмого по девятнадцатое января – святки. Для меня же в этих днях была своя тёмная прелесть. Мистика манила меня с детства. К четырнадцати годам я проглотила уже всего переведённого Кинга, бредила Лавкрафтом, зачитывалась Кунцем, Баркером и Лаймоном. Я отчаянно хотела верить, что мир не так скучен. Хотела, чтобы во время гаданий зеркальный коридор ожил призрачной фигурой, а свечной ого-

нек вспыхнул, колыхнулся и показал настоящего духа.

Но все попытки разбивались о стену нашего же легкомыслия. Мы, стайка юных девчонок, больше пересмеивались и толкались, чем по-настоящему верили в сверхъестественное. Одни хиханьки да хаханьки.

Возможно, именно это и защищало нас раньше.

Всё изменилось в так называемые «страшные вечера» – с четырнадцатого по девятнадцатое января, когда, по древним поверьям, граница между мирами истончается, и нечисть получает право гулять по земле.

Вечером пятнадцатого января моя квартира наполнилась дурацким смехом и не менее дурацкими шуточками. Пришли Аня Матвеева, с её вечной тягой к эзотерике, Наташка Самодова – осторожная и рассудительная, и бесшабашная Юлька Смоленская. Бывшие одноклассницы. Тогда я уже была студенткой-первокурсницей строительного техникума.

Начали мы с гадания на яичном белке. В стакане теплой воды белок растекался причудливыми и совершенно абстрактными пятнами. Потом взяли за зеркала. Два старых зеркала с потемневшей амальгамой создавали зыбкий, уходящий в бесконечность коридор, освещенный дрожащим пламенем свечей. Аня, прильнув к зеркалу, вдруг вскрикнула заявив, что увидела мелькнувшую тень. Мы напряглись, вглядываясь в зеркальный туннель, но кроме наших собственных ухмыляющихся физиономий – ничего. Списали на её впечатлительность.

Вскоре мы вышли на улицу. Воздух был колючим, хрустальным, а снег скрипел под ногами, будто кто-то невидимый шёл следом. Гадали по собачьему лаю: кричали в ночь: «Залай, залай, собаченька! Залай, серенький волчок!» И затаив дыхание, слушали отголоски. Лай слышался то близко, то издалека, растворяясь в морозной тишине и оставляя ощущение чужого незримого присутствия.

Было уже далеко за полночь, когда Юлька предложила «экстрим» – гадание на проруби. Настоящий древний русский кошмар – надо лунной ночью пойти к проруби, сесть на расстеленную воловью шкуру и смотреть в чёрную воду. Увидишь там образ суженого – к свадьбе, услышишь стук из-под льда... ну, тут варианты были мрачнее, вплоть до летального исхода в краткосрочной перспективе.

Воловьей шкуры у нас, конечно, не нашлось. Заменили старым цветастым пледом. Река у нас через дорогу. Прорубь мы нашли быстро – чёрное, как будто маслянистое окно в подлёдный мрак. Я опустилась на колени на плед, чувствуя ледяной холод, проникающий сквозь ворсистую ткань. Заглянула в прорубь. Чернота притягивала. Мне на мгновение показалось, как что-то огромное медленно шевелится там, внизу, наблюдая за мной. Ктулху, не иначе. Сердце замерло в ожидании стука из-под льда или появления лица в чёрной ледяной воде... Но обошлось. Только холодное дыхание проруби и нарастающая тревога.

Юлька разочарованно вздохнула:

–Похоже, без настоящей шкуры – ни хрена не работает.

Мы поплелись обратно, продрогшие до костей, мечтая о горячем чае с мамиными пирожками с вишней. Уже почти у дома нас окликнул знакомый голос. Валерка Белоцерковников. Парень из параллельного класса, студент медакадемии. Поздоровались, обменялись новостями и, слово за слово, он пригласил нас к себе в гости.

Дом Белоцерковниковых – большой, двухэтажный, стоял на окраине посёлка. По дороге Валерка рассказал, что родители уехали в санаторий до конца января, а хозяйничать оставили его и младшего брата. Они с Валеркой погодки.

Дом Белоцерковниковых светился всеми окнами, как новогодняя елка. Ещё на подходе нас настиг грохочущий вал электронной музыки, от которой дрожали стекла и, наверное, земля под ногами, хотя, я думаю, это дрожали мы от холода. Внутри оказалось человек двенадцать: младший брат Валерки Руслан и местные ребята и девчонки. Со всеми мы были шапочно знакомы. В воздухе клубился густой табачный дым, пахло дешёвым парфюмом. Нас встретили шумно, усадили за стол, налили коньяку для сугрева. Растекающееся по телу тепло и весёлая шумная компания начали размывать холод и тревогу.

Кто-то достал колоду карт. Затеяли «подкидного дурака». Люблю эту игру. Я увлеклась, азартно сбрасывая карты, и вдруг Юлька ткнула меня локтем под ребра, да с такой силой, что у меня перехватило дыхание.

– Ты чего?! – рыкнула я раздраженно.

Она кивнула в сторону двери. Там, в полумраке коридора, стоял незнакомец. Парень лет двадцати пяти, невысокий, коренастый. Его большие карие глаза с ненасытным любопытством обшаривали комнату, задерживаясь на каждом лице чуть дольше, чем следовало. В них читался не просто интерес, а голод, голод наблюдателя. Я никогда не видела его раньше ни в нашем посёлке, ни в соседних, куда мы время от времени ездили на дискотеку.

Вскоре его заметили. Шум стих.

– Ты ещё кто такой? – резко спросил Руслан, вставая с дивана.

Незнакомец улыбнулся. Улыбка его была широкой, белозубой и дружелюбной. Голос оказался ровным, приятным:

– Я приехал издалека, навестить приятелей и, похоже, заблудился. Увидел, что у вас дверь приоткрыта, свет горит и решил спросить дорогу. Холодно на улице. Можно немного погреться?

Объяснение повисло в воздухе, как паутина, – хлипкое и нелепое. Но атмосфера разогретая алкоголем и молодостью, притупила инстинкты. Валерка с Русланом, после секундного замешательства, махнули рукой, мол, ладно, проходи.

Парень представился Гордеем. И тут началось странное. Он влился в компанию с пугающей легкостью. Постоянно шутил и шутки его были острыми, даже циничными, но почему-то заставляли смеяться до колик. Через полчаса он уже

сидел среди нас, как старый знакомый. Я предложила ему сыграть в дурака. Я до сих пор отлично помню, как он повернулся ко мне, как в его карих глазах вспыхнули искорки – азартные, хищные, оценивающие, как дрогнули уголки его губ в подобии улыбки.

– Ну, давай поиграем, – произнес он ласково.

Мы сыграли четыре партии. Он выиграл все. Каждый раз карты ложились перед ним с пугающей предопределенностью.

– Да я везунчик сегодня, – констатировал Гордей, и его взгляд, скользнув по ребятам, намертво прилип ко мне. В нём читалось торжество и насмешка.

– Читер! – вырвалось у меня.

Я со злостью стала перетасовывать колоду. Рука дрогнула. Одна карта выскользнула и упала на пол под стол рубашкой вверх.

– Чёрт! – выругалась я и полезла за картой.

Под столом пахло пылью и несвежими носками. Я протянула руку, чтобы взять карту. Взяла, перевернула – на меня смотрел пиковый валет. Его чёрные нарисованные глаза казались живыми, полными мрачного предзнаменования. Время как будто замедлилось. Мой взгляд скользнул по ногам сидящих за столом: джинсы, кроссовки, носки, тапочки... И вдруг – уперся в то, от чего мне стало нехорошо.

У кого-то не было ног. Человеческих ног. Там где они должны быть, я увидела копыта. Плотные, покрытые серой

короткой жёсткой шерстью, с характерным раздвоением. Настоящие козлиные копыта, неестественно крупные, упирающиеся в пыльный пол. И между ними, медленно покачивался, как хлыст, толстый лохматый хвост, с чёрной, облезлой кисточкой на конце.

Из моего горла вырвался писк, переходящий в истошный порсячий вопль. Я попыталась вскочить, и мир взорвался оглушительной болью, макушкой я со всей силы ударилась о массивную столешницу. В глазах потемнело. Затем гулкий звон в ушах, в котором тонули обрывки чьих-то криков, что-то упало, что-то разбилось. И сквозь этот хаос – порыв ледяного, пронизывающего до костей ветра. И совсем рядом, прямо над ухом, отчетливый, ехидный смешок. Потом тишина. Абсолютная, безграничная.

Очнулась я лёжа на диване. Надо мной суетились испуганные ребята, собиравшиеся уже звонить в скорую. Память вернулась лавиной.

– Где козёл?! – выдохнула я.

Ответом мне было всеобщее недоумение. Оказалось, что когда я завизжала как резанная под столом, во всём доме неожиданно погас свет, откуда-то взялся сквозняк и распахнул пластиковое окно в комнате и входную дверь. А когда свет также неожиданно включился – Гордея и след простыл. Он просто исчез как будто его и не было.

Успокоившись и немного поразмыслив, я решила не рассказывать ребятам, что видела. Сомневаюсь, что мне бы по-

верили. Решили бы, что я их либо разыгрываю, либо просто спятила. Я сказала, что увидела под столом паука, а орала потому что страдаю тяжёлой формой арахнофобии. Ну и вполне объяснимо, что после того как я поиграла в карты с чёртом, желание погадать умерло во мне навсегда. Всё таки есть вещи, которые человеку не надо видеть. Целее будет.

# Белый

Пять лет. Целая вечность, и миг одновременно. До сих пор я тереблю в памяти тот день, пытаюсь отделить реальность от порождений перепуганного сознания. Было ли это? Или мои нервы, натянутые как струны, сыграли мне жестокую симфонию кошмара?

Много лет назад, блуждая по закоулкам интернета, я наткнулся на одну любопытную страшную историю. Ни автора, ни названия не запомнил, но вот суть въелась в подкорку, как ржавчина. Якобы, наряду с рассказами о белом спелеологе и чёрном альпинисте существует ещё и легенда о белом лыжнике. Нет, он не призрак, он нечто иное. Легенда русской зимы. И раз в несколько лет, совсем как Джиперс Криперс, он якобы выходит на охоту, нападает на одиноких припозднившихся лыжников и делает с несчастными что-то такое, отчего от жертв остаётся только кровавое пятно на снегу.

Помню, что монстр рассекающий на лыжах, меня тогда сильно позабавил.

Всё началось с того, что мои короткие перебежки между диваном, офисным креслом и водительским сиденьем начали неумолимо сказываться на моём здоровье. Однажды утром Юлька, моя девушка, чьё шикарное тело было выточено вечерними пробежками и тренажёрами, посмотрела на

меня оценивающе и, положив руку мне на живот, нежно, но неумолимо сказала:

– Толстеешь, милый, – голос её был спокоен, как поверхность озера перед бурей. – Если не возьмешь себя в руки... я уйду.

Серьезно или шутит? Зеркало и впрямь стало отражать не подтянутого парня, а расплзающегося человека со вторым подбородком и одышкой, настигавшей меня уже на третьем лестничном пролёте. А я ведь молодой мужик, ну, конечно, не Адонис или Аполлон, но раньше отражение в зеркале меня всегда устраивало.

На следующий день я купил абонемент в тренажёрный зал, а заодно ещё и прикупил универсальные беговые лыжи, так как на улице свирепствовала зима.

Самое смешное, что последний раз я стоял на лыжах в очень нежном возрасте, и, естественно, мой дебют на лыжне оказался трагикомедией. Лыжи жили своей жизнью, а мои ноги – своей. Падения, неуклюжие пируэты, ехидный смешок Юльки ("Миш, ты как тюлень на льдине!"), снисходительные улыбки профи и, как финальный аккорд, – два девятилетних чертёнка, пронесшиеся мимо с виртуозностью олимпийцев, бросили на прощание: "Дядя, тебе бы с горки вниз пузом съехать – безопаснее!".

Вынести такое оказалось выше моих сил, самолюбие кропотливо. И на следующих выходных я поехал за город, один. Когда я вышел из машины, передо мной раскинулись

бескрайние поля, затянутые снежным саваном, да редкие перелески, заросшие ивняком. Безлюдье. Свобода падать и подниматься без зрителей. Как говаривал Ёжик из "Смешариков": без никого.

Суббота выдалась очень пушкинской:

Под голубыми небесами Великолепными коврами,  
Блестя на солнце, снег лежит; Прозрачный лес один  
чернеет, И ель сквозь иней зеленеет, И речка подо льдом  
блестит.

Яркое, но безжалостно холодное солнце, воздух кристально чистый, режущий легкие при каждом вдохе. Снег, поддавшись недолгой оттепели и новым морозам, покрылся крепким настом. Мои новенькие беговые лыжи скользили по нему с сухим, отчетливым хрустом, как по сахарной глазури.

Глушь. Тишина, нарушаемая лишь скрипом лыж, да редким карканьем вороны. Блаженство.

Я уходил всё дальше от дороги, петляя между заснеженными холмами и чёрными островками лозняка. Время потеряло смысл. Я наслаждался борьбой с собственной неуклюжестью, редкими моментами баланса, хрустом наста и какой-то детской свободой. И не заметил, как подступили сумерки. Небо, ещё недавно бездонно-синее, стало свинцово-серым. По нему поползли тяжелые, снеговые тучи, пожирая последние упрямые лучи. Воздух резко сгустился, подул холодный ветер, пахло чем-то неприятным. Краем глаза, я заметил, как в чаще ивняка слева, что-то мелькнуло.

Какое-то движение. Резкое. Мимолётное. Не птица, что-то большое. Я резко повернул голову, сердце слегка ёкнуло. Ничего. Только черные, голые прутья, шевелящиеся на ледяном ветру.

"Показалось", – прошептал я себе, но в груди уже зашевелился холодный червь тревоги.

По моим прикидкам, я отошёл от машины на пять, максимум шесть километров. Пора было возвращаться, пока совсем не стемнело. Я неуклюже развернулся, переставляя лыжи лесенкой и, тут опять, боковым зрением заметил движение в зарослях. На этот раз – справа. Глубже в кустах. Смутный силуэт, скользнул между тонких стволов, миг – и его нет.

Мне пришла в голову мысль, что возможно это «эффект сумерек», когда на границе света и тьмы привычные вещи начинают принимать непривычные очертания и постоянно что-то чудится. Чудится ли? Бессердечное воображение "услужливо" вытащило из подвалов памяти историю о белом лыжнике.

Я с силой оттолкнулся и лыжи рванули вперед. Скрип наста подо мной стал резким и нервным. Я активно заработал палками, всё ускоряя и ускоряя бег. Внезапно я отчётливо услышал за спиной хруст ломаемых веток, кто-то продирался через лозняк. Я припустил ещё быстрее. Оглянуться было страшно. Сквозь стук крови в ушах и учащенное лихорадочное дыхание я слышал, что кто-то бежит за мной. Это был

ритмичный, стремительный звук. Шипяще-хрустящий. Безмолвное нечто стремительно скользило по насту, будто большая сильная змея. Я чувствовал его неумолимое приближение.

Ужас влился в кровь ледяным адреналином. Я пригнулся и заработал палками как сумасшедший. Лыжи летели по насту. В ушах стоял глухой, пульсирующий гул, дыхание вырывалось клубами пара, хриплое, свистящее. А позади... оно приближалось. Я чувствовал кожей – ледяное дыхание погоны. Молчаливое и безжалостное. Только этот жуткий, шипящий скользкий звук, настигающий меня с пугающей скоростью.

В тот день я, наверное, побил все мыслимые и немыслимые рекорды. Запыхавшийся, с сердцем, готовым вырваться из груди, я влетел на поляну, где ждала меня моя машина. Сбросил лыжи и палки в сугроб. Пальцы, одеревеневшие от страха и холода, с трудом нашли ключи. Я ввалился в салон, захлопнул дверь, заперся. Тело била крупная дрожь, резкий спазм скрутил желудок и меня вырвало прямо на пассажирское сиденье. Сквозь стекло, в сгущающихся сумерках, я всмотрелся туда, откуда примчался.

Он был там.

На холме, в двадцати метрах от меня, стояла фигура. Высокий, неестественно худой. Белый. Не просто одетый в белое, а как будто сотканный из самого снега. Очертания его плыли, мерцали, словно мираж. Лица не было видно – толь-

ко смутный силуэт, лишенный всякой человеческой теплоты. Безликий в белоснежной мгле. Он не двигался. Просто стоял. И я чувствовал – он смотрит. Смотрит прямо на меня. Чувство было физическим, как прикосновение ледяных пальцев к затылку.

Я не стал дальше искушать судьбу, повернул ключ, мотор взревел после первой же попытки. Я вырулил на укатанную дорогу и дал по газам, не глядя в зеркало заднего вида. Только вперёд. Домой. К Юльке. К огням, к шуму, к людям. Туда, где нет бескрайних снежных пустошей, зловещего скрипа наста и странной твари обитающей в белом снежном безмолвии.

# Дом, в котором живёт зло

Было ли моё детство счастливым? Безусловно. Ведь у каждого детского организма есть удивительная особенность – генерировать радость несмотря на внешний неблагоприятный фон. Проще говоря, даже если вокруг скорби великие: война, мор или глад, дитё и в таких условиях может получать от жизни удовольствие. Может быть, это потому, что ребёнок ещё не умеет думать о будущем и не застревает в прошлом. Он всегда здесь и сейчас, только в настоящем моменте. А если ты в настоящем, то и переживать, в общем-то, не о чем.

Нет, в моём детстве скорбей великих не было. Бог милостив. А вот скорбей поменьше хватало. Начнём с того, что моё имя – Валя. Быть в школе единственным мальчиком по имени Валя, то ещё удовольствие. Особенно когда вокруг Кириллы, Русланы, Денисы, Артёмы, Валеры, Игоря... Прибавьте к этому хорошие оценки по всем предметам, маленький рост, тщедушное телосложение, очки с толстыми стёклами и родителей на низкооплачиваемых должностях. Да-да, я был из тех детей, которые просто рождены для издевательств и побоев более удачливыми сверстниками.

В тот злополучный день я шёл в школу с опаской, потому что накануне кое-что произошло. Вечером я гулял со своей собакой, немецкой овчаркой по кличке Лорд. Пёс добродушный, игривый, но немного шепутной. И вот, когда мы

уже возвращались домой, Лорд ни с того ни с сего обляял пробежавшего мимо мальчишку. Мальчишка испугался, споткнулся и грохнулся прямо на тротуар. От испуга и боли он заплакал.

Я привязал Лорда к дереву и подошёл к мальчишке, чтобы помочь и успокоить, но он резко оттолкнул мою руку и со злостью сказал, что мне и моей шавке конец. Затем мальчишка поднялся на ноги и, прихрамывая, скрылся в подворотне. Я его узнал. К моему несчастью это был Павлик Севастьянов, младший брат местного школьного отморозка Андрея Севастьянова по кличке Мамонт. Павлик учился во втором классе, я в четвёртом, а Мамонт в шестом.

Весь оставшийся вечер я сильно нервничал. В прошлом году Мамонт раскроил череп одному второкласснику за то, что тот, во время игры в хоккей, сшиб младшего Севастьянова с ног. Мамонт тогда наблюдал, развалившись на скамейке, как его брат вместе с другой малышнёй бегают по двору с клюшками. Когда он увидел, как один из игроков сшиб Павлика с ног, Мамонт встал, потянулся, неторопливо подошёл к пацану, вырвал у несчастного из рук клюшку и размахнувшись саданул того по голове. Потом были кровь, крики, скорая, милиция. Скандал на всю округу. Мамонта, вроде бы даже, хотели выгнать из школы, но пожалели и оставили. Его побаивались даже восьмиклассники.

И вот, на следующее утро, я, на негнущихся деревянных ногах, ковылял в школу. Предчувствие у меня было плохое.

И не зря. Все мои страхи стали реальностью.

На перемене после четвёртого урока я сидел за партой и точил карандаш. Я предусмотрительно решил не светиться в школьных коридорах, не выбегал из класса на переменах, не пошёл в столовую и не ходил в туалет, хотя очень хотелось. Неожиданно моё внимание привлёк длинный тощий парень. Он стоял в дверном проёме внимательно рассматривая оставшихся в классе ребят, пока его блуждающий взгляд не остановился на мне. Парень ухмыльнулся и провёл ребром ладони по горлу, затем молча, указал пальцем на меня и ушёл. Это был дружок Мамонта, практически его правая рука Костя Никифоров, с милым прозвищем Кефирчик.

До конца уроков я сидел как пришибленный. Что мне делать? Пожаловаться учителям? Нельзя, ведь в соответствии с негласным детским кодексом чести – взрослых в свои разборки впутывать категорически запрещено. Можно попробовать выскользнуть из школы в гуще толпы. Я маленький, худой, юркий. Если Мамонт с друзьями караулят меня в школьном дворе, то возможно они и не заметят мелкого очкарика в группе других детей.

Но как говорится «человек предполагает, а Бог располагает». После уроков меня задержала учительница, она готовила внеклассное занятие на тему «За что мы любим осень?» и попросила меня сделать доклад о красоте осенней природы. Я был безотказным милым мальчиком и поэтому безропотно согласился.

Пришлось топать на четвёртый этаж в школьную библиотеку за книгами. Библиотекарша нашла для меня подходящий материал и с добродушной улыбкой попросила помочь ей подклеить увесистую стопку разорванных книг, «если, конечно, я никуда не спешу». Ну, я же милый безотказный мальчик, я согласился.

Когда же, весь перепачканный клеем, я шёл в раздевалку, в моей груди теплилась надежда, что Мамонт ждал-ждал меня и, не дождавшись, ушёл. Надев куртку, я вышел на крыльцо. Во дворе никого не было. Радостно сбежав по ступенькам, я уж было подумал, что пронесло, как вдруг услышал за спиной вкрадчивый голос:

– Привет, рыбоглазый.

Я обернулся. Мамонт с двумя парнями сидели на корточках, прислонившись к стене. Одним из парней был Кефирчик, имени второго я не знал, но как-то слышал, что его называли Тошиба. Не тратя время на ответное приветствие я побежал к школьным воротам. Мамонт с друзьями рванули следом, я слышал топот их ботинок за спиной. Тяжёлый рюкзак, набитый учебниками и библиотечными книгами мотал меня из стороны в сторону, не давая набрать скорость.

Внезапно я почувствовал, что кто-то из преследователей схватил меня сзади за проклятый рюкзак и с силой рванул на себя. Я не удержался на ногах и грохнулся на пятую точку, довольно таки болезненно. Большие парни обступили меня.

– Это ты, очкарик, вчера натравил своего кабысдоха на

моего брата? – спросил Мамонт, угрожающе нависнув над мной как многоэтажный дом.

– Нннет, эттто случайность. Лллорд ппросто играл, – пролепетал я заикаясь.

Когда мне страшно я всегда заикаюсь.

– Ого, да он не только очкарик, а ещё и заика! Да тебе место в Доме инвалидов, а не в приличном обществе, – заржал Кефирчик.

– Ну, Дом инвалидов мы ему сейчас обеспечим.

Мамонт больно пнул меня в бедро. Похоже, их совершенно не заботило то, что кто-нибудь из учителей может увидеть, что они вытворяют. Я попытался встать, но Тошиба снова повалил меня на асфальт. Я заплакал. Парней это раззадорило ещё больше. Кто-то из них стащил с моего носа очки и, наверное, разбил, было слышно, как хрустнуло стекло. Я опять попытался встать, меня схватили за рюкзак, лямки съехали с плеч, и рюкзак оказался в руках у Кефирчика. Почувствовав, что меня больше ничего не сковывает, я ужом проскользнул между Тошибой и Мамонтом и во все лопатки понёсся к школьным воротам.

– Держи его! Не убежишь, очкарик! – донеслось мне в спину.

Я выскочил на улицу и, не разбирая дороги, просто побегал. Я сворачивал в какие-то переулки, перелезал через заборы, продирался через кусты. Преследователи не отставали. Я выскочил на набережную, внизу медленно катилась свин-

цовая река. Сердце барабанило в груди, лёгкие жгло, ноги дрожали. Я устал. На другой стороне дороги появились Мамонт и компания.

— Что, надорвался, четырёхглазик? Пора тебе в Дом инвалидов!

Парни не спеша потрусили через дорогу. Было видно, что они тоже устали. Я в отчаянии посмотрел по сторонам и увидел на соседней улице много деревянных домов. Вот если бы я смог там спрятаться... Собрав последние силы я рванул к деревяшкам. Пробегая по чёрным от времени мосточкам, я заметил три мусорных бака притулившихся рядом с побитым жизнью серым строением. Недолго думая я запрыгнул в правый крайний бак и присел на корточки. Бак оказался почти пустым, только в углу лежала пара пузатых голубых мусорных мешка. В нос мне ударил запах скисшего молока.

Через несколько секунд раздались топот ног и голоса. Я молился, чтобы они пробежали мимо, но не тут-то было. Мамонт с друзьями остановились прямо напротив моего укрытия. Тяжело дыша, они стали обсуждать, куда я подевался, попутно оскорбляя меня и всю мою семью до седьмого колена. Я сидел как мышь под веником — затаив дыхание и боясь пошевелиться. Парни решили разделить и прочесать округу.

Я осторожно выглянул из бака и увидел удаляющиеся спины своих преследователей. Мамонт и Тошиба скрылись за домами, а Кефирчик остановился на перекрёстке, в пятистах

метрах от меня. Стараясь не шуметь, я тихонько вылез из бака. Если я сейчас побегу Кефирчик меня заметит. Что же делать?

Моё внимание привлёк большой двухэтажный деревянный дом стоявший неподалёку. Похоже, дом был заброшен, окна первого этажа наглухо заколочены, на дверях амбарные замки. Таких купеческих дореволюционных домов с башенками и эркером в нашем городке осталось много, какие-то до сих пор эксплуатируются, но большинство как этот – забыты и покинуты.

Я заметил, что в одном из заколоченных окон выломана доска. Щель узкая, но такой маленький и худенький четвероклассник как я пролезет, лишь бы в раме не оказалось стекла. Обнадёживало то, что в окнах второго этажа все стёкла были выбиты, значит, велика вероятность, что с первым этажом та же история, иначе его бы не заколотили. Я снова выглянул из-за бака, Кефирчик продолжал стоять на перекрёстке «руки в брюки». Выждав, когда он отвернётся, я «стремительным броском» кинулся к дому и подтянувшись на руках протиснулся в щель между досками.

И вот я внутри...

По дому бродила сумрачная тишина. Комната, в которой я очутился, была практически пуста, только большой трёхстворчатый шифоньер примостился в углу. Я подошёл к нему и осторожно приоткрыл дверцу, внутри деревянная штанга для одежды, пара плечиков, на дне несколько листов

бумаги испещрённых какими-то таблицами и цифрами.

Как-то неожиданно, одновременно на меня накатила усталость от пережитого. Я залез в шифоньер и прикрыл дверцу, оставив узкую щёлочку, чтобы видеть комнату. Впервые со вчерашнего вечера, я почувствовал себя в безопасности, единственное, что не давало покоя – мой рюкзак. Я надеялся, что кто-нибудь его подберёт и отнесёт к школьному вахтёру. Очень не хотелось терять учебники и, самое главное, библиотечные книги. Думая об этом я задремал.

Не знаю, сколько я проспал, может час, может полчаса, а может быть пару минут...

Я открываю глаза, и какое-то время не могу понять, где нахожусь. Вспоминаю, смотрю в щёлку не до конца прикрытой дверцы шкафа – в комнате всё также тихо, пыльно и сумрачно. Я вылезаю из шкафа и с наслаждением потягиваюсь, разминая затёкшие ноги и спину, всё же я проспал больше пары минут, вроде стало темнее. Точно, темнее. Странно, но щель, между досками, в которую я пролез – исчезла. Окно на месте, но почему-то полностью заколочено. Кто-то приколотил доску пока я спал?! Я не мог этого не услышать.

Я подхожу к окну и с силой надавливаю ладонями на доски – намертво. Может быть это другая комната, может я перебежал в соседнюю и просто забыл? Ведь такое возможно? Да?

В комнате, тускло освещённой косыми лучами солнца, пробивающимися сквозь просветы между досками, две две-

ри — одна распахнута настежь, ведёт в холл; вторая — маленькая, высотой около метра, закрыта на латунный висячий замок. Интересно, для кого такая дверка? Я дёргаю замочек, прикладываю ухо к двери, мне слышится лёгкое постукивание, оно продолжается секунд десять, затем всё стихает. В животе жалобно урчит. Я вспоминаю, что последний раз ел только утром и сейчас не отказался бы даже от тарелки макарон, хотя терпеть их не могу, они так похожи на белых червяков. Надо возвращаться домой.

Я выхожу в холл и начинаю заглядывать во все комнаты, но моего окна с оторванной доской нигде нет. Самое странное, что комнаты походят одна на другую как близнецы: большое, двустворчатое, заколоченное окно; присади-стый шифоньер в углу; маленькая дверка, запертая на висячий латунный замочек. Не понимаю. Ведь было окно, как то же я попал внутрь... Я снова и снова хожу из комнаты в комнату и неожиданно в одной из них, вместо уже привычного интерьера, вижу длинный узкий коридор, освещённый странным мерцающим сиянием. В самом конце можно различить белую дверь. «Там выход» — эта мысль неожиданно ярко вспыхивает в моём сознании и я бегу.

Дом, всё это время погружённый в пыльную тишину и не издававший ни звука, вдруг оживает и скрипит словно старый парусник. Я подбегаю к двери и дёргаю за ручку, в глубине души боясь, что дверь не откроется, но она поддаётся и, натужно скрипя, медленно отворяется. Дом как будто

не хочет меня отпускать. Я протискиваюсь в дверь и замираю на пороге – впереди всё тот же длинный узкий коридор, освещённый мерцающим сиянием, с белой дверью в конце. Я второй раз бегу к двери, а дом трещит и стонет. За белой дверью такой же коридор и такая же дверь в конце. Снова и снова, снова и снова. Мне кажется, что я бегу уже целую вечность. Ну не бывает таких длинных домов!

Я в "сто пятидесятый" раз подбегаю к белой двери, но не открываю её – я знаю, что за дверью всё тот же коридор и бегать мне по нему до смерти. Я разворачиваюсь и бегу в обратную сторону. Там, в конце, та же белая дверь. Открываю её... и оказываюсь снова в холле. Меня опять окружают старые знакомые – комнаты-близнецы с заколоченными окнами, шкафом в углу и маленькой дверкой, закрытой на латунный замочек.

Но кое-что всё-таки изменилось – я вижу лестницу на второй этаж.

Я так испугался этого закольцованного дома, что напрочь забыл, что у него есть второй этаж! Но могу поклясться, что когда я мотался по комнатам в первый раз, никакой лестницы не было.

Я прикасаюсь к резным перилам, но не решаюсь подняться. Что я там увижу? Бесконечную лестницу? Десятки, сотни пролётов, тысячи ступеней ведущих в никуда? Мне хочется залезть обратно в шкаф, уснуть и проснуться дома от того, что Лорд облизывает моё лицо. А может быть всё это и есть

сон? Может, я всё ещё сплю в этом злосчастном шкафу? Я хлопаю себя по щекам так сильно, что они начинают гореть; бью кулаками в грудь так, что перехватывает дыхание; поднимаю с пола щепку и царапаю себе руку до крови. Больно. Я не сплю.

Поднимаюсь по лестнице – два пролёта и я на втором этаже. Никаких бескрайних нескончаемых ступенек, только светлые комнаты с распахнутыми настежь дверьми вдоль широкого коридора. Окна на втором этаже не заколочены, поэтому здесь светло и пахнет не пылью, а осенью.

Ну всё, вот оно спасение, я могу выбраться из дома через окно на втором этаже. Высоковато, конечно, но прошлой зимой мы с другом прыгали с крыши заброшенного стадиона в снег, и высота там была побольше.

Я забегаю в ближайшую комнату, впереди заветный прямоугольник с выломанными створками. Я уже почти касаюсь подоконника, как вдруг опять оказываюсь у дверей комнаты. Внутри меня всё холодеет. Не может быть. Неужели снова?! Я делаю несколько попыток приблизиться к окну – безрезультатно, каждый раз меня как будто откидывает, и я оказываюсь в самом начале комнаты.

Размазывая по щекам слезы, я обегаю все оставшиеся комнаты, пытаюсь подойти к окнам и не могу, как только до них остаётся около полуметра, я снова и снова обнаруживаю себя стоящим в дверном проёме.

– Мама... – шепчу я и начинаю выть в голос.

Сквозь мутную пелену слёз я вижу в окно тётеньку с собакой. Она прогуливается рядом с моим заколдованным домом, с моей тюрьмой. Истошно ору «Помогите!», подпрыгиваю на месте и машу руками. Странно, но, похоже, тётенька меня не слышит, она никак не реагирует, даже головы не повернула в мою сторону. Зато собака меня видит, какое-то время она смотрит на моё окно, затем начинает лаять. Вернее я думаю, что она лает, потому что совсем не слышу её. Только сейчас я осознаю, что не слышу ни единого звука из большого мира – ни гула машин, ни людских голосов, ни криков птиц, ни шелеста ветра, ничего, кроме поскрипывания и потрескивания старого дома.

Я стою в полуметре от окна словно приколотенный, собака внизу, кажется хаски, рвётся с поводка, встаёт на задние лапы, смотрит на меня и захлёбывается в беззвучном лае. Тётенька едва удерживает её, что-то говорит и тоже смотрит на дом. Я опять начинаю кричать и махать руками, но её взгляд проскальзывает, как будто меня и нет. Я хватаю с пола пустую бутылку и с силой швыряю её в окно. На моих глазах бутылка исчезает, растворяется в воздухе, так и не долетев до окна. Как сумасшедший я начинаю хватать с пола всё, что попадает под руку: деревяшки, куски штукатурки, драный ботинок, распухший от сырости русско-французский словарь и бросаю всё это добро в окно. И каждый брошенный мною предмет исчезает в воздухе. Я бессильно опускаюсь на грязный, паркетный пол, обхватываю руками

колени и тихо плачу. Мне никогда не выбраться отсюда. Никогда.

Не знаю, сколько я так сижу, время в этом проклятом доме, наверное, тоже проклято, совсем не ощущается. До меня доносятся какие-то звуки. Прислушиваюсь, так и есть – лёгкое поскрипывание половиц. Кто-то идёт по коридору. Судя по шагам кто-то маленький. Страх расплзается по телу, мне сразу вспоминается маленькая дверца на первом этаже закрытая на латунный замочек и шорох, который я там слышал. *Скрип-скрип-скрип-скрип*. Оно уже совсем близко, поскрипывание половиц замирает рядом с комнатой, в которой сижу я. У меня кружиться голова, холодок пробегает по позвоночнику. Я, затаив дыхание, смотрю в дверной проём – оно не заходит, стоит в коридоре. Я его не вижу, но чувствую. *Скрип-скрип-скрип-скрип*. Снова лёгкое поскрипывание половиц – оно уходит. Меня бьет озноб.

Я поднимаюсь на ноги и подхожу к двери, осторожно выглядываю в коридор – там никого нет, одна лишь пыль висит в воздухе в лучах осеннего солнца. Я решаю спуститься на первый этаж, чтобы посмотреть, закрыта или нет маленькая дверца. Очень страшно, но я должен узнать.

Я уже почти подхожу к лестнице, как вдруг пол подо мной начинает скрипеть отчаянно и надрывно, качается, проседает и, наконец, проламывается, увлекая меня за собой. Я падаю, проваливаясь на первый этаж, ору от дикой боли, мои ноги неестественно вывернуты. Потом темнота.

Я просыпаюсь в больничной палате, обе ноги в гипсе, рядом сидят родители. Мама плачет, гладит меня по волосам и целует в лоб. Губы у неё такие тёплые. Значит всё хорошо, значит, я всё-таки выбрался. Счастливый, я снова засыпаю.

Просыпаюсь...

Я почему-то снова сижу в шкафу в том самом заброшенном доме. Все окна опять заколочены, и я опять бегаю по одинаковым комнатам первого этажа, по бесконечному коридору, поднимаюсь по лестнице на второй этаж, безуспешно пытаюсь подойти к окнам, машу руками тётеньке с собакой, бросаю в окно всякий мусор, сижу на полу и плачу, слышу шаги в коридоре, решаю спуститься на первый этаж, снова пол подо мной проламывается, я падаю и теряю сознание. Опять просыпаюсь в больнице, мама гладит меня по голове, я засыпаю. Когда снова открываю глаза – я опять сижу в шкафу. Я открываю дверцу, выхожу...

## **Тело десятилетнего мальчика найдено в заброшенном доме на окраине города**

Жительница одного из окрестных домов рассказала журналистам, что гуляя с собакой, обратила внимание на странное поведение своего питомца, в тот момент, когда проходи-

ла мимо старого заброшенного дома на улице Космонавтов.

Без видимых причин пёс начал громко лаять на дом и рваться с поводка. Женщине с большим трудом удалось увести собаку домой, но пёс не успокаивался и, по словам хозяйки, начал бросаться на дверь и протяжно выть. Женщина рассказала о странном поведении собаки вернувшемуся с работы мужу.

Мужчина сразу заподозрил что-то неладное и решил проверить заброшенный дом. Он сбил замок с дверей и обнаружил внутри тело четвероклассника Вали Т.. По всей вероятности мальчик упал со второго этажа на первый сквозь прогнивший пол.

Возбуждено уголовное дело, идёт выяснение всех обстоятельств гибели ребёнка. Заброшенный дом дореволюционной постройки на улице Космонавтов уже не первый раз попадает в криминальные сводки. Только за последние пять лет там при странных обстоятельствах погибло четыре человека: трое подростков и один бездомный мужчина...

# Дедушка

Алёша спит крепко. Он видит тёмное небо, он слышит дождь. Прохладный ночной дождь. Алёша очень хочет пить, он открывает рот, но ни одна капля не падает ему на язык. Алёша складывает ладошки ковшиком и пытается собрать дождик туда, но тщетно, ни одна капля не падает в ладошки. Между тем пить хочется всё сильнее. Горло совсем пересохло, даже глотать больно. Вдруг, кто-то протягивает Алёше большую железную кружку, полную студёной хрустальной воды. Алёша пытается схватить такую желанную, такую спасительную кружку, но хватает лишь воздух. Кто-то невидимый снова протягивает ему кружку, Алёша снова пытается схватить и...

Он лежит на полу в детской. Свалился с кровати. Пришится же такое! Но горло действительно пересохло, глотать тяжело. Жажда, сильная жажда мучает Алёшу. На ужин папин брат, дядя Серёжа, принёс вяленую воблу, и Алёша съел аж четыре рыбки! Вот почему так пить хочется.

Алёша поднимается с пола и сонный бредёт на кухню. Он открывает холодильник и достаёт пакет апельсинового сока. Алёша начинает жадно пить прямо из пакета. Холодные оранжевые струйки сбегая по подбородку прямо на грудь, и он окончательно просыпается.

И тут он слышит шаги.

Шаги на втором этаже.

Мама с папой уехали в командировку, бабушка спит в соседней комнате, а дядя Серёжа храпит на веранде. Когда жарко, он всегда спит на веранде. Сейчас начало августа и днём плюс тридцать пять в тени, а по ночам плюс двадцать. Кто там ходит? Может бабушка проснулась? Алёша осторожно заглядывает в бабушкину комнату. Нет, бабушка на месте, лежит себе на кровати и тихонько посапывает во сне. Тогда кто же наверху?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.